5.9.95

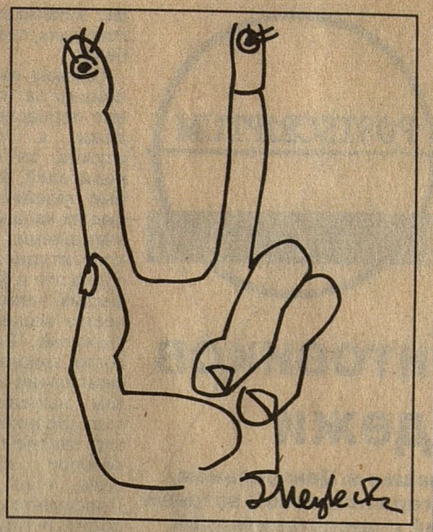
Неизвестный Эрнст

125

Красная Звезда. - 1995. - 5 сент. - с. 4.

Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ:

У АРМИИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИДЕАЛЫ



Званый гость

Среди гостей недавнего тбилисского форума «За солидарность против нетерпимости, за диалог культур» этот человек выделялся предельной скромностью. В поведении, в общении, в манере одеваться. Но все равно все знали, что это фигура мировой величины.

В Советском Союзе скульптор Эрнст Неизвестный в основном был известен тем, что сотворил «черно-белый» памятник на могиле своего хулителя – Никиты Хрущева. Кое-кто знал еще, что он – диссидент, человек из когорты «шестидесятников».

Время на дворе вроде бы другое. А Эрнст Неизвестный большинству из нас все так же неизвестен. Возможно, потому, что живет в Штатах, а в родных российских пенатах бывает только наездами. А, возможно, и потому, что поистине великие люди редко любят «светиться», в каком-то частном случае вдруг раскрываясь с совершенно неожиданной стороны.

Так получилось и во время нашей недолгой беседы.

- Я никогда не скрывал, что люблю военных. Той поры, которую знаю. Поры Великой Отечественной. Но военных не штабных, а передовой. Это был юношеский, но вместе с тем значительный период моей жизни. Прежде всего в становлении характера.

В войну мы, фронтовики, чувствовали себя на месте. Мы ощущали свою нужность и стране, и тому небольшому кругу, которому принадлежали – взводу, роте, батальону. Это создавало особую среду, практически неповторимую в мирное время. И, скажем, тыловые разговоры об интернационализме были болтовней против подлинного интернационализма, который мы видели на фронте. Нас, солдат, даже не интересовало, кто какой национальности.

- Если можно, чуть подробнее о том, как коснулась вас война...

- Я учился в Ленинградской художественной академии, а когда она эвакуировалась в Самарканд, ушел добровольцем в армию. Это был 42-й год. Окончил Кушкинское пулеметное училище, о котором еще Лермонтов сказал: «Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут». Воевал в составе 2-го Украинского фронта. Не раз был ранен. Родным на меня дважды приходила похоронка.

Самое смешное (если это может быть смешным), что одна из наград – орден Красной Звезды – нашла меня в тот момент, когда во всех газетах Неизвестного обвиняли в антипатриотизме, я был изгнан из Союза художников. И вдруг – награждают!

Это было после войны, в период какого-то «летия» Победы. Всем стало известно, что я получил «звездочку» в период самого разгула разнузданной критики против меня. Многие это восприняли как некие игры Кремля, и никого иного, как Хрущева. Как же еще такое может быть?! Поэтому на «сладкую» тему бросились все. Вознесенский написал поэму (хотя он без того был моим другом), Щедрин – музыку. Было организовано публичное награждение. Боровик даже речь произнес по этому поводу. Были солидные генералы, известные в стране люди. Все считали, что это приказ свыше. А приказа не было! Просто какой-то архивариус откопал мое фронтовое прошлое и, даже не зная, кто я такой есть, решил, что награда, присвоенная мне «посмертно», должна все-таки найти меня живого. Это получилось как-то непроизвольно.

Но самое интересное произошло совсем недавно. Когда снова копнули архивы и все-таки решили выяснить, за что я награжден орденом Красной Звезды, да еще «посмертно» (видимо, поэтому и похоронки приходили), выяснилось, что, будучи раненным и лежа в окопе, я ухайдакал шестнадцать гитлеровцев. Честно говоря, сам я этого уже не помню. Помню только, что стрелял, дрался...

Красная Звезда – награда высокая. Видимо, ее и дали потому, что «посмертно». Но даже тогда, когда меня третировали, когда вокруг был идеологический мрак, боевые награды не теряли для меня своей значимости. Я с огромным уважением отношусь ко всему, что связано с той войной, к взаимоотношениям, которые там были.

- Вы поддерживаете какую-то связь с однополчанами?

- У нас жизнь была четыре с половиной часа в бою. Какие однополчане? Почти никого в живых не осталось. Повезло очень немногим. Из того подразделения, которое отправилось на фронт из Кушки, в полку осталось лишь несколько человек. Одного из них после госпиталя я все-таки встретил в Ленинграде.

Это был невероятно смелый человек. Старшина. Смелость его не знала границ, подчас была нелепа, но тем она ценнее. Он не совершал «официальных» геройских поступков. Он делал поступки, может быть, даже криминальные с точки зрения воинской дисциплины. Например, через линию фронта перегонял не немца, а... корову. Чтобы солдатам было что поесть. Или когда у нас не было кабеля, он крал этот кабель у соседнего подразделения, за что в те времена полагался расстрел. Вот я и запомнил этого человека, забыть его было нельзя. Знал его имя, фамилию. Узнал его адрес и пришел к нему.

Встретил меня гулкий ленинградский двор, завешанный бельем. Вонючий подъезд, в котором истошно орали коты. Я постучался, и он мне открыл. Но, когда увидел меня, невероятно перепугался. Приложил палец к губам: «Молчи!» Я ничего не понимал. Потом в квартире раздался некий крик, появилось озлобленное женское лицо, и он тут же выскочил за порог, даже не пустив меня домой. Сказал, что жена не хочет, чтобы он с кем-нибудь общался. Прямо за этим бельем он дрожаще пил из горлышка водку, которую я принес, и все время оглядывался на подъезд. Видно, чудовищно боялся своей «половины». Тогда я подумал, что фронтовая доблесть и иные формы мужской доблести не всегда совпадают...

- А какое-то влияние военное время оказало на ваше творчество?

- Не думаю, что это прямое влияние. Вернее, сначала я сам так думал. Даже книжки, которые обо мне написаны, традиционно начинаются с этого. Дескать, ранения скульптора повлияли на некоторую деформацию человеческого тела в его творчестве и т.д. Но мама недавно привезла мне мои рисунки 9-12 лет от роду. И практически вся эта тематика – кентавры, маски, разрушенные головы – там уже присутствует. Видимо, война только усугубила эту тенденцию. Она действительно повлияла если не на творчество, то на многое другое. И ранения, и то напряжение, которое постоянно приходилось испытывать, как бы наложили печать на оценку жизни вообще. Это иногда уходит, а иногда снова возвращается. Во время войны я умирал и был реанимирован. И когда, уже после возвращения с фронта, меня порой охватывало суетное недовольство чем-нибудь, я снова и снова возвращал себя к радости того, что я жив! Болевая шкала как бы переместилась в сторону смерти. Поэтому и отношение к жизни стало более изотерическое, чем суетно-бытовое. Такое ощущение, пожалуй, дает только война. Это одно из самых главных чувств, которое мне удалось сохранить, и я его культивирую. Хотя многие пережившие войну его утеряли. А не надо бы.

- Каким вам, ветерану Великой Отечественной, всемирно известному скульптору, видится будущее Российской армии?

- Я глубоко убежден, что, сколько бы вокруг ни велось пацифистских разговоров, любая уважающая себя и стремящаяся иметь вес в современном мире страна должна иметь сильную и боеспособную армию. Это однозначно. Было бы смешно, если бы у государства не было армии. Это такой же утопизм, как и, скажем, чье-то абсурдное желание, чтобы в человеческом теле не было каких-либо органов. Это нелепо. Государство будет развиваться по своим законам до тех пор, пока не победит «Роза мира» Даниила Андреева и не наступит рай на Земле. Поэтому и армия должна существовать, но быть дееспособной. А главное, у армии должны быть идеалы. Войска Александра Македонского или Юлия Цезаря знали, за что воюют. Знали это и мы, фронтовики, у нас были идеалы. Ложные, не ложные – пускай в этом история разберется. Но они были! Без идеалов армия просто обречена. Солдат, который воюет присутствием, а не чувством долга, – это не солдат...

Завершая наш разговор, Эрнст Неизвестный неожиданно признался, что и сам он вышел из военного рода. Отец скульптора в начале века служил адъютантом у генерала Антонова, все его братья также были белыми офицерами. Вот, оказывается, откуда идут военные корни.

Когда я попросил его изобразить что-либо для читателей газеты, он, недолго думая, взял в руки фломастер и нарисовал «Викторию» – символ Победы. Но вглядитесь внимательно в этот рисунок. Победа должна быть зрячей...

Капитан Владимир МОХОВ.
Группа российских войск в Закавказье.